

На правах рукописи

Зайка Ксения Валерьевна

**ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В
УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩЕГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
МНОГООБРАЗИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАНАДЫ)**

Специальность 23.00.04 – политические проблемы международных
отношений и глобального развития.

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

004606732

Москва – 2010

Работа выполнена в секторе философии российской истории
Учреждения Российской академии наук Институт философии РАН.

Научный руководитель: Доктор политических наук
Малахов Владимир Сергеевич

Официальные оппоненты: Доктор политических наук
Дробот Галина Викторовна

Кандидат политических наук
Тимофеев Иван Николаевич

Ведущая организация: **отдел Канады Института США и
Канады РАН**

Защита состоится « 22 » июня 2010 г. в 16.00 на заседании
диссертационного совета Д.002.015.05 при Учреждении Российской
академии наук Институт философии РАН по адресу: 119991, г.
Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИФ РАН.

Автореферат разослан « 21 » мая 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
С. Г. Ильинская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования.

Проблема национальной интеграции – одна из ключевых проблем, решаемых современными государствами. На протяжении длительного времени в основе политики национальной интеграции лежало допущение, согласно которому политические и культурные границы должны совпадать. Иными словами, предполагалось, что гражданско-политическая целостность общества возможна только при условии его культурной (а часто и этнокультурной) однородности.

Однако в течение последней трети XX века в странах либеральной демократии происходит постепенный пересмотр прежнего подхода к национальной интеграции. Транснациональные миграционные потоки ведут к существенным изменениям этнодемографической ситуации в принимающих обществах. Это, в свою очередь, ведет к постановке вопроса о новых способах достижения гражданско-политической целостности.

Пионером в отказе от традиционной модели национальной интеграции является Канада. Именно в этой стране впервые был официально провозглашен плюралистический подход к интерпретации сущности национального сообщества, получивший название мультикультурализма. Согласно данному подходу, единство политической нации и этнокультурная неоднородность населения не исключают друга. Более того, условием единства нации (понимаемой как единство граждан) является признание культурного разнообразия ее составных частей.

Опыт Канады в целом ряде отношений специфичен. Эта специфика обусловлена уже тем обстоятельством, что формирование государственности в канадском случае не сопровождалось формированием однородного правового и языкового пространства. Кроме того, Канада является иммиграционной страной. Структура ее населения такова, что ни одна из этнокультурных групп не может претендовать на монопольный статус в публичном пространстве. Поэтому интеграция этнокультурных групп иммигрантского происхождения происходит в уже существующую парадигму культурного плюрализма.

Несмотря на очевидное своеобразие канадского случая, проблемы, с которыми сталкивается Канада, во многих отношениях типичны для индустриально развитых стран. Во-первых, это радикальное изменение этнического и этнокультурного состава населения, которое влечет за собой изменения социокультурной среды принимающих обществ. Во-вторых, это присутствие в публичном пространстве выходцев из мусульманских стран, которое часто сопряжено с общественно-политическими напряжениями и противоречиями. В-третьих, это новый запрос на членство в политической нации, формирующийся в среде граждан иммигрантского происхождения.

Опыт национального строительства, наработанный в Канаде на протяжении последних четырех десятилетий, достаточно противоречив. Однако его внимательное изучение представляется полезным для других государств, сталкивающихся с возрастающим этнокультурным многообразием.

Степень разработанности проблемы в научной литературе.

Проблемы национальной интеграции в странах либеральной демократии изучали А. Бирч, А. Лейпхарт, Н. Глейзер, Ч. Тэйлор, А. Янг, В. С. Малахов, Дж. Холлифилд, М. Бантон, П. Вейль, Р. Брубейкер, А. Фавелл и др.¹

Канадский подход к национальной интеграции исследовали С. Липсет, К. Моррисон, А. Бирч, Ф. Бушер, Дж. Портер, Ч. Тэйлор, Дж. Фоссюм, В. А. Тишков.²

Противоречивый характер политики мультикультурализма на примере Канады рассматривали С. Уилсон, Р. Дей, Ч. Тэйлор, Дж. Фоссюм, Х. Баннерджи, Д. Шац, П. Рой, У. Мортон, М. Смит, М. Мандель, П. Рассель, Дж. Ролла, В. Тишков.³

Политико-правовые коллизии, связанные с этнокультурным многообразием, порождаемым иммиграцией, становились предметом внимания таких ученых как У. Кимлика, А. Аппиа, Б. Парех, Б. Тернер, А. Ричмонд, А. Янг, Р. Брубейкер, Р. Купманс, П. Стетхэм, К. Джоппке,

¹ Birch A. Nationalism and National Integration, 1989; Glazer N. Beyond the Melting Pot; Lijphart A. Cultural Diversity and Theories of Political Integration // Canadian Journal of Political Science, 1971; Young I. Inclusion and Democracy, 2002; Малахов В. С. Национализм как политическая идеология, 2005. Hollifield V. J. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model // Migration Ethnizität Konflikt, 1996; Banton M. National Integration in France and Britain // Journal of Ethnic and Migration Studies, vol. 27, #1, 2001; Weil P, Crowley J. Integration in Theory and Practice: A Comparison of France and Britain // in Migration and Social Cohesion, 1999; Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany, 1998; Brubaker R. The Return to Assimilation? Changing Perspectives on Immigration and Its Sequels in France, Germany, and the United States // Ethnic and Racial Studies, 24: 4; Favell A. Philosophies of Integration: Immigration and the Idea of Citizenship in France and Britain, 1998;

² Lipset S. M. Continental Divide; Lipset S. M. The Canadian Identity // International Journal of Canadian Studies; Morrison L. The Only Canadians: Canada's French and the British Connection, Canadian Challenges // International Journal of Canadian Studies, 37, 2008; Boucher F. Deep Diversity and Multicultural Federalism in Canada, 2008; Porter J. Ethnic Pluralism in Canadian Perspective // in Ethnicity. Theory and Experience ed. by Glazer N. and Moynihan D. 1975; Taylor Ch. Reconciling the Solitudes: Essays on Canadian Federalism and Nationalism. 1993; Тишков В. А. Страна кленового листа. Начало истории. 1977; Тишков В. А. и Кошелев Л. В. История Канады. 1982; Тишков В. А. К истории возникновения франко-канадского национального вопроса // Вопросы истории, 1974, №1;

³ Wilson, V. S. The Tapestry Vision of Canadian Multiculturalism, *Canadian Journal of Political Science* Vol. 26, No. 4, 1993; Day R. Multiculturalism and the history of Canadian diversity, 2000; Taylor Ch. Reconciling the Solitudes: Essays on Canadian Federalism and Nationalism. 1993; Banerji H. *The dark side of the nation: Essays on multiculturalism, nationalism and gender*, 2000; Schatz D. Theorizations on Exclusionary Citizenship: Gender, Race, and Multiculturalism in Canada, 2007; Roy P. The Fifth Force: Multiculturalism and the English Canadian Identity, 1995; Morton W. L. *The Canadian Identity*, 1961; Smith M. The Impact of the Charter: Untangling the Effects of Institutional Change, 2007; Mandel M. The Charter of Rights and the Legalization of Politics in Canada, 1987; Russell P. Constitutional Odyssey, 1992; Rolla G. The Two Souls of the Canadian Charter of Rights and Freedom; Тишков В. А., Теория и практика мультикультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ.

С. Кастельс.⁴ В российской науке эти коллизии исследовались В. С. Малаховым, В. А. Тишковым, В. М. Воронковым, А. Н. Смирновым, О. С. Н. Градиловым, Б. Межуевым, И. Цапенко, О. Малиновой.⁵ Таким образом, в современной научной литературе накоплен солидный пласт знаний. Вместе с тем следует отметить, что изучение канадского опыта для российской академической литературы актуально в том отношении, что исследование позволяет проследить обострение идеологических коллизий между либерализмом и мультикультурализмом в рамках плюралистической модели национальной интеграции.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем.

Во-первых, автор показывает, что мультикультурализм, выдержанный в либерально-процедурном характере, может являться эффективным механизмом сдерживания тенденций к культурной сегрегации в условиях чрезвычайно полиэтнического характера общества.

Во-вторых, диссертантка показывает, что иммиграционный приток влечет за собой изменения в культурной идентичности как иммигрантов, так и принимающего населения.

В-третьих, автор вводит в обсуждение проблематики национальной интеграции гендерное измерение. По мнению диссертантки, исследование изменений коллективных идентичностей, связанных с притоком в западные общества иммигрантов из стран ислама, требует обращения к проблематике гендерных отношений и гендерных стереотипов.

Методологией исследования выступает историко-ситуативный подход. Этот подход означает, что единицей анализа становится ситуация *per se*. Целью анализа является понимание взаимоотношений между элементами ситуации. В качестве элементов ситуации выступают индивиды, группы, дискурсы, социальные позиции и частные стратегии

⁴ Kymlicka W. Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights, 2004; Appiah K. Identity, Authenticity, Survival: Multicultural Societies and Social Reproduction, 1994; Parekh B. Minority Practices and Principles of Toleration// International Migration Review, vol. XXX, #1; Turner B. S. Liberal Citizenship and Cosmopolitan Virtue// Citizenship and Democracy in a Global Era, 2000; Richmond A. Immigration and Ethnic Conflict, 1988; Young I. Differing Group Representation// Ethnicity and Group Rights, 1997; Koopmans R., Statham P. Challenging the Liberal Nation State? Postnationalism, Multiculturalism, and the Collective Claims Making of Migrants and Ethnic Minorities in Britain and Germany// American Journal of Sociology, vol. 105, #3, 1999; Joppke Ch. Multiculturalism and Immigration: A Comparison of the United States, Germany, and Great Britain// Theory and Society, vol. 25, #4, 1996; Castels S. 1995, "How Nation-States Respond to Immigration and Ethnic Diversity", New Community 21 (3).

⁵ Малахов В. С. Понаехали тут ... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 200с.; Воронков В. М. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ, 2002// Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ // Под ред. В.С.Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002; Смирнов А. Н. Этничность и культурный плюрализм в контексте государственной политики. Полис, 2005, №4; Малинова О. Ю. Гражданство и политизация культурных различий. Полис, 2004, №5; Межуев Б., Градиловский С. Н. Развитие государственности в ситуации демографической трансформации мира. М., 2004; Баныковский С. П. Миграция, свобода и гражданство: парадоксы маргинализации, Полис, 2006, №4;

(индивидов и групп). Ситуативный анализ предполагает изучение существующих нарративов, исторических и дискурсивных материалов (текстов) для понимания гетерогенности общего публичного пространства и различных стратегий агентов.⁶

В качестве **теоретических оснований исследования** выступают:

- концепция политической культуры К. Гирца;
- концепция дискурса М. Фуко;
- концепция символической власти и символического капитала П. Бурдьё.
- концепция гендерного измерения сообществ Н. Юваль-Дэвис;

Автор исходит из понимания политической культуры как исторически складывающейся символической структуры (К. Гирц).⁷ Политическая культура структурирует публичное пространство и задает перспективы политически мыслимого в конкретный исторический момент. В данной перспективе изучение политической культуры концентрируется на исследовании конкретных процессов формирования систем значений, влияющих на принятие политических решений.

Под дискурсом автор, вслед за М. Фуко, понимает «общее поле всех высказываний», так и определенные группы высказываний, «которые могут соседствовать друг с другом, но также игнорировать или исключать друг друга».⁸ Публичный дискурс может состоять из ряда конкурирующих дискурсов (господствующий, альтернативный, маргинальный).

Диссертант применяет методологические установки социального конструктивизма, согласно которым социальная действительность «неотделима от ее понятийных определений, от категорий, которыми пользуются агенты социального действия».⁹ Второе методологическое допущение социального конструктивизма состоит в том, что социальная действительность характеризуется неопределенностью. Эта неопределенность обусловливается постоянно меняющимся характером взаимоотношений между агентами, занимающих различные социальные позиции. Неопределенность социальной действительности имеет своим результатом производство множества перспектив интерпретаций этой действительности. Это множество становится основанием для борьбы за символическую власть, а именно – за право создавать и навязывать легитимное видение мира. (П. Бурдьё).

Для анализа политик интеграции, которые то или иное государство проводит в отношении иммигрантов, автор использует концепцию символической власти, предложенную П. Бурдьё. Официальный дискурс, формируемый и транслируемый государством, классифицирует и

⁶ См. Clarke A. *Situational Analysis. Grounded Theory After the Postmodern Turn*, 2005, SAGE Publications, стр. xxii-xxiii.

⁷ Geertz C. *Interpretations of Culture*, 1993.

⁸ См. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*, М.: Касталь, 1996. – 448 с., стр. 79.

⁹ Малахов В. С. Новое в междисциплинарных исследованиях («историко-ситуативный» метод в работах В. Тишкова) // *Общественные науки и современность*, №5, 2002.

распределяет по группам прибывающих иммигрантов в зависимости от господствующих представлений о делении социального мира. Символическая власть проявляется во власти именования, власти номинации. Официальная номинация (классификация), в том числе юридически закреплённая, является типичным проявлением государственной монополии на легитимное символическое насилие¹⁰. Бюрократия, которая производит официальную классификацию иммигрантов по стране их происхождения, тем самым определяет будущие политические стратегии иммигрантских групп. Управление названиями является одним из инструментов управления коллективными идентичностями. Даваемые и закрепляемые государством имена наделяют агентов социального действия определённым символическим капиталом. «В итоге агенты прибегают к практической или символической стратегии с целью максимизировать символическую прибыль от номинации. Это институционализированный и законный (а не просто легитимный) символический капитал».¹¹ Иначе говоря, концепция символического капитала отталкивается от допущения, что агенты используют свою репутацию, статусное положение, делегированные полномочия для присвоения себе права выступать от имени воображаемых групп, а значит - права называть.

Говоря об иммигрантских сообществах, автор понимает их не в качестве гомогенных этнокультурных целостностей, а в качестве множества групп интересов, формирующихся вокруг определённого признака (конфессия, этничность, гендерная принадлежность, идеологические установки и т.д.). Иммигранты используют различные культурные категории для формулирования своих политических требований. Например, политическая стратегия такой организации как «Женский исламский совет Канады», претендующей на право представлять интересы иммигранток из исламских стран, строится на апелляции к двум характеристикам: гендерной принадлежности и культурно-географическому происхождению. Иные категории используются «Исламским гражданским Советом Канады». Эта организация объединяет консервативных патриархально-настроенных мусульман Канады, преимущественно мужчин старшего поколения и выстраивает свою идеологию на манипулировании категориями «конфессия» и «права меньшинств».

Автор использует интерпретативный анализ политических стратегий групп и отдельных индивидов для исследования публичных дебатов, развернувшихся в провинции Онтарио вокруг возможности применения норм исламского права при решении семейных споров. Дебаты относительно норм шариата повлекли за собой дискуссию о перспективах расширения мультикультурализма в Канаде. Эти дискуссии являются примером «борьбы за переопределение правил внутреннего

¹⁰ См. Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // In Other Words. Essays Towards a Reflexive Sociology, Polity Press, 1994, стр. 135.

¹¹ Бурдьё П. Социология политики (сост., общ. ред. и предисл. Шматко Н. А.), М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

деления поля» (поле в данном случае – публичное пространство Канады). Часть иммигрантов-мусульман стремится получить признание посредством включения некоторых исламских культурных практик в публичное пространство принимающей страны. Добиться признания в культуре принимающего общества означает получить «символическую капитализацию» некоторых исламских практик посредством их фактического включения в правовую систему.

По убеждению автора, многие проблемы интеграции иммигрантов, и в особенности мусульман, связаны с *гендерными отношениями* – как внутри иммигрантских сообществ, так и в отношениях между иммигрантами и принимающим обществом. В качестве примеров можно привести принятие Закона о религиозных символах во Франции в 2004 г; «убийства чести» в среде мусульман в ряде западных стран; общественно-политическое напряжение, вызванное в Канаде дебатами о введении «шариатских трибуналов» для решения семейных конфликтов. Таким образом, для постановки и исследования новых проблем, вызванных резкими изменениями коллективных идентичностей среди населения западных обществ в результате притока иммигрантов из стран третьего мира, необходимо применение *концепции гендера*. Автор использует концепцию гендерного измерения национальных сообществ, предложенную Н. Юваль-Дэвис,¹² и переносит ее на этнокультурные сообщества, в том числе и этнокультурные сообщества, образовавшиеся в результате иммиграции. Как в принимающих сообществах, так и в сообществах иммигрантов, женщинам приписывается роль носителей культурных традиций *par excellence*. В частности, в патриархальных культурах женщины воспроизводят символические групповые границы посредством ограничений в семейно-брачных отношениях. В мусульманских семьях женщины часто не имеют права выбора супруга, и эта практика частично распространяется на группы иммигрантов-мусульман в западных странах. Кроме того, ограничения, налагаемые на женщин в плане дресс-кода, также подчеркивают их роль как носительниц этнокультурных отличительных традиций. В условиях иммиграции женщины как «символические означающие культурных различий» становятся основными адресатами реакционного мультикультурализма брокеров от этничности. Политические требования меньшинств, и особенно групп иммигрантов, часто формулируются на основании культурных категорий, связанных с традиционной системой гендерных отношений, принятой в том или ином сообществе. Попытка интеграции семейных правовых норм иммигрантов-мусульман в правовое поле Канады стала причиной кризиса канадского мультикультурализма на современном этапе.¹³ Кризис мультикультурализма одновременно стал и конституционным кризисом, поскольку мультикультурализм как «интерпретативный принцип» и

¹² См. Yuval-Davis N. *Gender and Nation*, London, SAGE Publications, 1997.

¹³ По мнению автора, современный исторический этап начинается с 9/11.

главный инструмент национальной интеграции положен в основу Хартии прав и свобод, являющейся частью Конституции страны.

Объект исследования: проблемы национальной интеграции, возникающие в либерально-демократических государствах Запада в результате иммиграции и связанного с ней этнокультурного многообразия.

Предмет исследования: проблема национальной интеграции в современной Канаде.

Цель заключается в исследовании решения проблемы национальной интеграции в Канаде с середины 1960-х гг. по настоящее время.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

- выявить специфику политической истории и политической культуры Канады;
- сравнить модели национальной интеграции, принятые в ряде западных государств, с моделью национальной интеграции, выработанной в Канаде;
- изучить возникновение и развитие политики мультикультурализма в Канаде;
- охарактеризовать современное состояние политики мультикультурализма в Канаде на примере публичных дебатов в провинции Онтарио по поводу введения ограниченных норм шариата в практику арбитражных судов по разрешению семейных споров.

Положения, выносимые на защиту

1. Проблемы национальной интеграции, с которыми сталкиваются современные индустриально развитые страны, заключаются в сохранении целостности общества в условиях культурного многообразия, возрастающего вследствие иммиграции.
2. Иммиграция влечет за собой формирование культурных сообществ, идентичность которых отличается от идентичности принимающего населения.
3. Этнокультурное многообразие, возрастающее вследствие иммиграции, требует поиска новых подходов к проблеме национальной интеграции. В частности, на повестке дня стоит переход от традиционной к плюралистической модели национальной интеграции. Данная модель означает, что единая политическая лояльность не исключает множества культурных идентичностей.
5. Примером реализации плюралистической политики национальной интеграции является канадское государство. В 1970-х гг. эта политика получила название «мультикультурализм». В ее основе лежит допущение,

что целостности нации в условиях иммиграционного характера государства и культурно разнородного общества можно достичь только при условии признания факта культурного многообразия.

6. Признание культурного многообразия в канадском случае означает институционализацию культурных идентичностей в публичном пространстве.

7. Реализация права на публичную артикуляцию культурных идентичностей привела к формированию «видимых меньшинств» в Канаде, культурные отличия которых проявляются преимущественно в этно-стилевой атрибутике, но не препятствуют их успешной интеграции в принимающее общество. Самыми многочисленными «видимыми меньшинствами» в Канаде являются выходцы из Индостана и Китая.

8. С формированием в последние десятилетия достаточно многочисленных этнокультурных групп, состоящих из выходцев из мусульманских стран, в канадской модели национальной интеграции обостряются противоречия между либеральными принципами устройства публичного пространства и провозглашенным в Конституции принципом мультикультурализма.

Апробация работы

Работа прошла апробацию на факультете гендерных исследований в университете Йорка (Торонто, Канада). В марте 2007 г. Международный совет по изучению Канады (Оттава) выделил автору стипендию для проведения научной работы в Центре феминистских исследований (университет Йорка, Торонто). Исследование было проведено в период с сентября 2007 г. по январь 2008 г. Автор выступила с основными положениями исследования на семинаре «Searching for the Islamic Feminist: Religious Arbitration in Ontario» (Центр феминистских исследований, университет Йорка, 26 ноября 2007 г.).

В 2008 г. автор выступила с секционным докладом «Кризис канадского мультикультурализма в условиях возрастающего культурного многообразия» на конференции «Векторы развития современной России: наука и общество» (Московская высшая школа социальных и экономических наук, 18-19 апреля 2008). В декабре 2009 г. автор выступила с докладом «Политика мультикультурализма в Канаде» на семинаре, организованном Центром изучения проблем гражданства и идентичности (ИФ РАН, Москва).

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Ряд теоретических положений и выводов диссертации вносят вклад в исследование практик национальной интеграции и феномена мультикультурализма..

Основные положения диссертации и реферируемая в ней литература могут быть использованы при разработке учебных курсов и спецкурсов по мультикультурализму.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновывается актуальность исследования, обозначаются цели, задачи и предмет исследования, а также дается оценка разработанности темы.

В первой главе «*Модели национальной интеграции в западных обществах и специфика Канады*» сравниваются модели национальной интеграции в странах либеральной демократии в послевоенный период, а также рассматриваются особенности политической истории и политической культуры Канады. Традиционную модель национальной интеграции, предполагающую совпадение культурных и политических границ, всегда было сложно реализовать. Тем более проблематичной реализация этой модели стала после середины 1960х годов, когда в большинстве западных стран была проведена либерализация иммиграционной политики, в результате которой резко увеличилось этнокультурное многообразие общества. Следствием этого стал частичный отказ в ряде стран от ассимиляционистской модели национальной интеграции и переход к «политикам признания», а именно, к обеспечению возможности выражения культурных отличий в публичном пространстве.

В первом параграфе «*Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков*» приводится характеристика интеграционных моделей в условиях возрастающей иммиграции в Германии, Франции, Великобритании, США и Канаде. В отличие от «классических национальных» западноевропейских государств, государства Северной Америки (США и Канада), возникшие в результате поселений колонистов из различных европейских стран, изначально сделали ставку на иммиграцию как на фактор собственного развития. Хотя публичная культура в иммиграционных государствах формировалась по определенным культурным образцам, представления об «этнокультурном ядре» нации для них не характерны. Эти государства позиционируют себя в качестве нейтральных по отношению к этнокультурным различиям.

Одной из причин современных проблем интеграции в западных странах является борьба иммигрантов за признание их культурных прав в публичном пространстве принимающего общества. Различия в политической культуре между иммиграционными государствами Северной Америки и «национальными» западноевропейскими государствами, построенными на представлениях об этнокультурном ядре нации, определяют различный уровень институционализации

культурных прав иммигрантов и, соответственно, специфику интеграционных проблем.

До 1960-х гг. этнокультурное многообразие в странах Западной Европы в основном являлось результатом присутствия исторических меньшинств и беженцев из соседних европейских стран. Массовую иммиграцию из стран третьего мира западноевропейские общества испытали только после окончания Второй мировой войны. В результате в Западной Европе сложились этнокультурные меньшинства иммигрантского происхождения. В настоящее время большинство стран Западной Европы фактически являются иммиграционными. То обстоятельство, что в самоописаниях западноевропейских стран до сих пор господствуют идеи о культурном ядре, обусловило идеологическую неподготовленность принимающих обществ к последующим требованиям со стороны иммигрантов на признание их культурных отличий в публичном пространстве.

Различные политики в отношении этнокультурного разнообразия, возникающего в результате иммиграции, обуславливаются различиями в официальных доктринах между «классическими национальными» и «иммиграционными» государствами. Во Франции традиции республиканизма на практике оборачиваются жесткими требованиями к культурной ассимиляции иммигрантов. Вхождение в политическое сообщество предполагает лояльность иммигрантов французской культуре. В Германии до 2000 г. стать членом немецкой нации возможно было только по этническому признаку, и до сих пор процедуры натурализации затруднены. Имперские политические традиции в Великобритании привели к тому, что именно после распада Британской империи стала проводиться политика формирования современных представлений о «британскости» как культурной категории (*patrials*). Терпимое отношение к выходцам из стран третьего мира допускается при условии, если они не разрушают традиции «британского стиля жизни». В США установка на иммиграцию как на фактор развития проходила параллельно с идеологией «плавильного котла». На практике это вылилось в сосуществование в публичном пространстве ассоциаций по конфессиональным признакам, в рамках которых и обнаруживалось «культурное многообразие». Массовый приток выходцев из Мексики и других стран Латинской Америки приводит к некоторой сегрегации этнокультурных групп на уровне повседневного взаимодействия, распространению испанского языка в школах как основного языка обучения в ряде штатов и ставит новые вызовы перед правительством США.

Специфика модели национальной интеграции в Канаде заключается в том, что это государство формировалось в условиях вынужденного противоречивого сосуществования двух сообществ, каждое из которых воспринимало себя в качестве государствообразующего сообщества. Дуализм канадской политической культуры обусловил устойчивую установку элит в этой стране сначала на бикультурализм, а впоследствии

на культурный плюрализм как на возможность сохранения политической целостности. Невозможность ассимилировать франкоязычное население вкупе с осознанием франко-канадскими элитами непродуктивности отделения привели к бикультурализации канадской публичной культуры. Кроме того, иммиграция стала основополагающим фактором в формировании канадской нации, хотя до окончания Второй мировой войны иммиграционная политика Канады не отличалась последовательностью и строилась на расистских принципах, так как в страну в первую очередь принимались выходцы из англосаксонских стран, континентальной и Восточной Европы. Либерализация канадской иммиграционной политики в 1960-х гг., массовый приток иммигрантов из стран третьего мира и растущее недовольство потомков иммигрантов из стран континентальной (украинцев и немцев) официальной бикультурной политикой в условиях растущего этнокультурного многообразия обусловили переход от идеологии бикультурализма к мультикультурализму в 1970-х гг.

Таким образом, иммиграция из стран третьего мира в Канаду во второй половине 20 века наложилась на уже существующую бикультурную парадигму. В условиях возрастающего этнокультурного многообразия логика бикультурализма трансформировалась в мультикультурализм. На практике это означает, что отношение федерального правительства к культурным требованиям франко-канадцев было взято за отправную точку для формирования политики интеграции этнокультурных меньшинств иммигрантского происхождения.

Во втором параграфе «Специфика политической истории и политической культуры Канады» рассматривается специфика политической истории и политической культуры Канады на фоне классических национальных государств континентальной Европы (Германии и Франции), а также Великобритании и США. В отличие от упомянутых стран, в Канаде не сформировалось единого национального мифа. Политическая культура в этой стране развивалась как эволюция принципа толерантности.

С принятием в 1982 г. Хартии прав и свобод (являющейся, по существу, Конституцией канадского государства), произошла институционализация культурных прав меньшинств. В иммигрантских обществах, к которым принадлежит и Канада, не работает основной принцип национализма, являющийся основой традиционной модели национальной интеграции, а именно — совпадение культурных и политических границ. Канадское государство возникло в результате колонизации части североамериканского континента представителями двух этнокультурных сообществ (британского и французского). Дуализм публичного пространства в Канаде сначала привел к формированию бикультурализма, а затем мультикультурализма как инструмента национальной интеграции. При этом мультикультурализм стал развиваться в либерально-процедурной форме, что означает сохранение

примата индивидуальных прав и признание права на культурное самоопределение лиц, причисляемых к меньшинствам. Такая политика позволяют снижать уровень культурной сегрегации в обществе.

Пример Великобритании показывает, что мультикультурализм с коммунитаристских позиций предполагает представление меньшинств в качестве гомогенных сообществ и носителей статичных культурных практик. Признание культурных различий, понимаемых в качестве статичных, в полиэтнических обществах неизбежно приводит к росту «реакционного мультикультурализма» «брокеров от этничности» и увеличению количества геттоизированных сообществ. В частности, культурная сегрегация и невозможность реализации множества политических интересов приводит к политизации культурных идентичностей среди британских мусульман и радикализации их поведения.

В отличие от Великобритании, в Канаде политика мультикультурализма не запрещает, но и не поощряет институционализацию культурных идентичностей. Мультикультурализм здесь работает как интерпретативный принцип организации общежития, признающий вероятность переформатирования культурных идентичностей иммигрантов различного этнического происхождения и возможности отстаивания их культурно-политических требований через судебные инстанции. Иначе говоря, для того, чтобы выдвигать требования, связанные с культурной идентичностью, иммигранты не обязаны становиться членами диспорных институтов. В то же время за ними признается и возможность выдвигать групповые требования и, соответственно, их интеграция в общество в качестве групп. Однако, как показывает опыт Великобритании, такая практика ведет к усилению влияния «брокеров от этничности» и к закреплению ригидных статусных иерархий в иммигрантской среде.

Сравнивая политическую культуру Канады и США, автор отмечает два основных отличия между двумя странами. Во-первых, для канадского публичного пространства не характерна «расиализация», свойственная американскому публичному пространству. Это объясняется различиями в политических историях двух стран, в частности, отсутствием в Канаде опыта рабства afro-американцев и истребления индейцев. Во-вторых, в Канаде никогда не была популярной идеология «плавильного котла», которая долгое время являлась практически официальной в США.

Во второй главе «Мультикультурализм как модель национальной интеграции в Канаде» рассматривается история формирования политики канадского мультикультурализма как инструмента национальной интеграции. Канада является показательным примером необходимости проведения политики культурного плюрализма. Иммиграционный характер канадского государства привел к переходу от политики бикультурализма, т.е. признания культурных прав франко-канадцев, к мультикультурализму, создавшему правовые возможности для признания в публичном пространстве групповых прав многих

этнокультурных групп при сохранении примата индивидуальных прав. Признание культурных прав исторических этнокультурных меньшинств было распространено и на иммигрантские группы. Мультикультурализм стал моделью национальной интеграции в Канаде в условиях необходимости социального и политического объединения сообществ разного уровня - сообществ с территориальными идентичностями (франко-канадцы, индейцы) и групп иммигрантов. Основным инструментом национальной интеграции в Канаде стала Хартия прав и свобод. Мультикультурализм приобрел характер интерпретативного принципа, означающего динамичное изменение принципов включения/исключения культурных прав в публичное пространство при условии необходимой низовой активности граждан.

В первом параграфе «Теория и практика мультикультурализма» дается краткое описание двух версий теории мультикультурализма: коммунитаристской и либерально-процедурной, а также показывается различие между государственной политикой мультикультурализма и реакционным мультикультурализмом брокеров от этничности. Для понимания проблем, с которыми сталкивается Канада, а именно – каким образом возможно удовлетворить культурные притязания меньшинств в пределах единого политического пространства, автор рассматривает теорию Ч. Тэйлора, обосновывающую необходимость проведения «политики признания» в западных либерально-демократических государствах, и концепцию «конституционного патриотизма», разработанную Ю. Хабермасом. Эти две теории оказали и продолжают оказывать влияние на идеологию мультикультурализма в Канаде.

В интерпретации Ч. Тэйлора, политическая культура Канады есть не что иное, как постоянная выработка и совершенствование механизмов удовлетворения притязаний этнических сообществ на культурно-правовую автономию в условиях либерально-демократической политической культуры. Эти механизмы имеют отношение к господствующим представлениям о социальной и культурной справедливости, которые изменяются в условиях возрастающего этнокультурного многообразия общества¹⁴. Основная идея либеральной концепции индивидуальной свободы выбора состоит в том, что индивиды обладают правом пересматривать свои жизненные цели и изменять свои мировоззренческие установки в изменяющихся социальных условиях. Данное утверждение особенно справедливо для иммиграционных обществ, для которых характерны процессы культурной гибридизации и беспрецедентная скорость культурных трансформаций.

В иммиграционных странах не было жесткой сословной иерархии, типичной для европейских обществ. Соответственно, культурные коды менее ригидные, социальные лифты более подвижны, культурные

¹⁴ Taylor Ch. *Reconciling the Solitudes: Essays on Canadian Federalism and Nationalism*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1993, p. 181/Fossum J. *Deep Diversity Versus Constitutional Patriotism*. *Ethnicities*, Vol. 1(2), 179 – 206, 2001, SAGE Publications

идентичности быстрее индивидуализируются, системы смыслов и значений чаще подвергаются критическому переосмыслению. Основная посылка теории Ч. Тэйлора заключается в идее, что культурная идентичность (на коллективном или индивидуальном уровне) формируется в условиях признания обществом культурных категорий, которые то или иное этнокультурное сообщество считает конститутивными в структуре собственной идентичности.¹⁵ Непризнание или стереотипизация культурных категорий является, по мнению Ч. Тэйлора, угнетением.

Теория конституционного патриотизма, предложенная Ю. Хабермасом, оказывает значительное влияние на переосмысление идеологии и практики мультикультурализма в Канаде.¹⁶ Демократическая легитимация политических требований осуществляется в публичном пространстве при участии всех агентов, заинтересованных в проблеме. Ю. Хабермас подчеркнул значимость для обеспечения прав и свобод граждан дискурсивного принципа публичного пространства: *для достижения реальной автономии личности, адресаты потенциальных законодательных актов должны участвовать в процессе законотворчества и выступать в роли авторов будущих законов. Необходимость в принятии культурных прав должна детально обсуждаться на уровне гражданского общества. Политическое действие, например, принятие закона может «считаться легитимным только в том случае, если все адресаты одобрили нововведение после активного участия в публичных дебатах и предоставления рациональной аргументации в защиту собственной позиции».*¹⁷ Конституционный патриотизм применительно к обществу Канады можно трактовать в качестве лояльности, которая не навязывается, а формируется у иммигрантов. В Конституции страны заложен принцип мультикультурализма как интерпретативный принцип организации политического общежития в условиях возрастающего этнокультурного многообразия, расширяющий возможности публичного выражения культурных интересов иммигрантов и способствующий осознанию ими собственной ценности в качестве гражданина и индивида.

Следует различать государственную политику мультикультурализма, имеющую отношение к управлению этнокультурными сообществами, и «реакционный мультикультурализм», идеологию которого используют лидеры меньшинств в борьбе за признание за собой особых культурных прав. Мультикультурализм стал национальной доктриной и основным смысловым полем, в пределах которого формируется национальная идентичность канадских граждан. В Канаде принято специальное законодательство по регулированию политики мультикультурализма и учреждены специальные ведомства. Мультикультурализм становится

¹⁵ Taylor Ch. The politics of recognition. Gutmann A. (Ed.), *Multiculturalism: Examining the politics of recognition*, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994, pp.25-74.

¹⁶ Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT Press, 1996.

¹⁷ Fossum J. Deep Diversity Versus Constitutional Patriotism // *Ethnicities*, Vol. 1(2), 2001, p. 192.

идеологическим локомотивом общества, определяющим развитие публичной культуры.

В случае «реакционного мультикультурализма», ключевым является понятие «сообщества», фигурирующего во многих стратегиях, используемых лидерами меньшинств, которых политологи называют «брокерами от культуры». «Реакционный мультикультурализм» выстраивается на установках коммунитаризма, теории которого исходят из допущения, что индивидуальная и коллективная идентичность определяется культурой, историей и традициями того общества, в котором они выросли и были воспитаны». ¹⁸ Коммунитаристы выдвигают на первый план проблему сообщества, традиционных институтов, представления о культурном инварианте и контекстуальное понимание социальной справедливости. Неудивительно, что в борьбе этнокультурных сообществ за групповые права особая роль в политической риторике «брокеров от этничности» отводится женщинам как «носителницам культурных традиций». ¹⁹

На практике политические интересы брокеров от этничности, которые используют мультикультуралистскую риторику для приобретения и накопления политического капитала, нередко расходятся с интересами представителей той предполагаемой группы, интересы которой они якобы представляют. Призывая к групповой солидарности на основании культурных категорий, брокеры от этничности тем самым создают у целевой аудитории коллективные представления о себе, т. е. формируют конструкт, являющийся объектом их деятельности. Иначе говоря, деятельность брокеров от этничности предполагает реификацию группы, и в случае успеха проекта «реакционного мультикультурализма» политический конструкт реализуется на практике, что влечет за собой культурную сегрегацию.

Во втором параграфе «Возникновение и развитие мультикультурализма в Канаде» рассматривается становление мультикультурализма как модели национальной интеграции в Канаде. Вначале автор показывает изначальный дуализм политического дискурса в Канаде, обусловленный напряженными отношениями между франкоязычными и англоязычными жителями и проблемой квебекского сепаратизма, обострившейся в середине 20 в. Франко-канадцы были первыми колонизаторами территории Канады, но после завоевания британцами они стали «внутренними другими» и до принятия Акта о создании Квебека в 1774 г. были объектами ассимиляторской политики. ²⁰ *Акт о создании Квебека заложил основы дуализма канадского публичного пространства и политической культуры. В Квебеке были восстановлены привилегии галликанской церкви, утвержден*

¹⁸ Современная западная философия: энциклопедический словарь. Под ред. Хейфе О. Малахова В. С. Филатова В. П. М.: «Культурная революция», 2009, стр. 18.

¹⁹ Yuval-Davis N. *Gender and Nation*, SAGE Publications, 1997.

²⁰ Schatz D. *Theorizations on Exclusionary Citizenship: Gender, Race, and Multiculturalism in Canada*, Paper prepared for the Annual Meeting of the Canadian Political Science Association, *Workshop #6- Political Theory: Canada's Racial Contract*, University of Saskatchewan, Saskatoon, SK. June 1, 2007

гражданский кодекс Наполеона и феодальная система землевладения. Акт о создании Квебека стал первой попыткой интегрировать ту часть населения Канады, которую невозможно было ассимилировать, и создало прецедент, приведший впоследствии к формированию политики мультикультурализма.

В начале 20 в. сформировалась идеология франко-канадского национализма, самым ярким представителем которого был Генри Бурасса.²¹ Политические претензии франко-канадцев состояли в следующем. Во-первых, Канада была образована как союз двух равных наций, но англо-канадцы нарушили этот контракт из-за имперских амбиций и невежества. Поэтому нарушенный контракт должен быть восстановлен. Во-вторых, политика формального билингвизма не соответствует ожиданиям франкоязычного населения Канады; французскому языку необходимо придать статус единственного государственного на территории Квебека. В-третьих, следует создавать маленькие франкоязычные анклавы по всей стране.

В середине 20 в. самоидентификация франко-канадцев изменилась. Это явление легко пролеживается в изменении имен, использовавших для обозначения этой группы: «канадцы» – «французы» – «франко-канадцы» – «квебекцы». Лояльность франко-канадцев обрела территорию (Квебек), а сами они как группа получили отличительное название, что усилило интенсивность национального чувства. Однако причины квебекского национализма не сводятся исключительно к языковым требованиям франко-канадцев и изменению их самоидентификации. Осознанию необходимости политической автономии способствовали социальные и экономические факторы. Промышленное развитие в 1950- 1960-х гг. привел к росту материальных амбиций населения. Произошла некоторая секуляризация публичного пространства: стало меньше католических школ, процессы демократизации начались в сфере сексуального поведения и самовыражения. Традиционные самоописания франко-канадцев перестали соответствовать актуальным материальным и интеллектуальным ожиданиям. Таким образом, желание модернизировать свое общество и изменить образ жизни также способствовали росту национализма. Политические претензии проявились, в частности, в недовольстве характером иммиграционной политики в Канаду, в результате чего Квебек обходили стороной, в требованиях большего самоуправления, в том числе и в экономической сфере. Кроме того, квебекский национальный сепаратизм показывает, что разобщенность англо-канадцев и франко-канадцев основывается на приверженности этих культурных общностей разным мифам. Первый связан с верностью англо-канадцев британским культурным и политическим традициям и верноподданностью британской Короне. Франко-канадский национальный миф основывается на коллективной памяти о Конкисте. В 1960-х гг. этот миф стал идеологией квебекского

²¹ Birch A. Nationalism and National Integration, стр. 143.

сепаратизма. По мнению приверженцев этой идеологии, Квебек можно считать «классическим» национальным государством, т. к. 80% населения является культурно гомогенным, т. е. наблюдается совпадение политических и культурных границ, а Партия Квебека, ведущая политическая сила в провинции, выстраивает политические программы на ожиданиях, что в обозримом будущем Квебек получит политический суверенитет.

Далее автор рассматривает влияние иммигрантов из стран континентальной Европы, в первую очередь Германии и Украины, на процесс *преобразования бикультурализма в мультикультурализм*. Наделение франко-канадцев широкой культурной автономией в 1960х гг. в условиях, когда их «ареал расселения» охватывал не только Квебек, но также центральные и западные провинции (в частности, многочисленные общины франко-канадцев проживают в Манитобе), вызвало протесты иммигрантов иного этнического происхождения в западных провинциях страны и вынудило федеральное правительство признать многосоставный характер канадского общества.

Канадцы украинского и немецкого происхождения высказали недовольство приписыванием культуре франко-канадцев более высокого «символического значения». Дополнительным основанием для этого недовольства послужило то обстоятельство, что иные культурные сообщества превосходят по своей численности франко-канадскую общину в западных провинциях, а именно, в провинциях Манитоба, Альберта и Саскачеван. Наиболее энергично эту идею отстаивали потомки иммигрантов из Украины. В 1960-х гг. один из активистов сообщества канадских украинцев Поль Юзык (Paul Yuzyk), обратил внимание на интересы «третьей категории канадских иммигрантов», состоящей из иммигрантов не-французского происхождения и не являющихся представителями индейского населения.

По мнению представителей «третьей категории канадских иммигрантов», тот факт, что Канада признает главой государства английскую королеву, обеспечил англо-канадцам господствующее положение в публичном пространстве страны. Однако принципы социального включения в условиях иммиграционного характера общества предполагают постоянное переосмысление и реконструкцию публичной сферы. Именно в данном контексте следует рассматривать предпринятые правительством в качестве реакции на политические требования «третьей категории иммигрантов» законодательные меры, которые привели к возможности институционализации культурных прав всех этнокультурных меньшинств в Канаде.

Затем автор переходит к рассмотрению изменений в политической культуре, произошедших в Канаде в связи с принятием Хартии прав и свобод в 1982 г. Формирование политики мультикультурализма совпало с внедрением некоторых либерально-республиканских норм в политическую культуру Канады. В частности, принципы мультикультурализма как национальной доктрины прописаны в Хартии прав и свобод, которая является частью Основного закона страны. В

Хартии закрепляется примат индивидуальных прав над групповыми привилегиями при сохранении возможностей требования отдельных прав для этнокультурных меньшинств. С принятием Хартии политическая культура в Канаде приняла более легалистский характер, что повлекло за собой повышение значимости правовых процедур для решения споров, связанных с практикой мультикультурализма. Для того, чтобы добиться институционализации определенной культурной нормы, представители этнокультурных меньшинств проводят свои требования через судебные инстанции. Иначе говоря, культурные права не приписываются - они обретаются этнокультурными меньшинствами в результате процедурных мероприятий.

В течение 1970-1980-х гг. в Канаде произошла радикальная либерализация публичного пространства. Это стало следствием предшествующей либерализации иммиграционной политики. В условиях растущего этнокультурного многообразия возобладали демократически-инклюзивный принцип функционирования публичной сферы. Официальная доктрина, сформулированная правительством П. Трюдо и закреплённая в Хартии прав и свобод, признавала вклад всех этнокультурных меньшинств в развитие общей канадской культуры. При этом индивидуальным правам представителей этнокультурных меньшинств придавался приоритет в сравнении с групповыми правами.

В этот период в стране была предпринята попытка соединить либерально-универсалистские принципы с идеологией мультикультурализма. С одной стороны, за меньшинствами признается право воспроизводить культурные нормы страны происхождения (или некие гибридные нормы, которые могут сформироваться в условиях проживания в иммиграционной стране). С другой стороны, концепция индивидуальных прав однозначно занимают господствующее положение в правовой культуре Канады.

Хартия оказала структурное влияние на канадскую политическую культуру и на политические институты. Она усилила полномочия судебных инстанций по сравнению с другими институтами. Дискурсивные и институциональные последствия принятия Хартии также отразились на характере канадского мультикультурализма. Она стала важнейшим инструментом национальной интеграции и фактором изменения публичного пространства в Канаде, оказав влияние на процессы политической мобилизации и ведения публичных дебатов. Организации гражданского общества стали активнее участвовать в политической жизни страны, легитимируя свои претензии ссылками на соответствующие положения Хартии.²²

Мультикультурализм в Канаде работает как интерпретативный принцип организации политического сообщества. Это означает наличие правовых возможностей для выдвижения этнокультурными меньшинствами, в том числе и иммигрантского происхождения, культурных требований, а также признание изменений культурных

²² Smith M. The Impact of the Charter: Untangling the Effects of Institutional Change// Democracy, Rule of Law and Human Rights, International Journal of Canadian Studies, 2007, 36, p. 17-41.

идентичностей иммигрантов различного этнического происхождения и формирование ими групп для отстаивания своих требований через судебные инстанции. В основу интерпретации мультикультурализма в Канаде положена процедура. При этом у лиц, относимых к меньшинствам, сохраняется право на добровольное самопричисление к данной категории. Таким образом, в Канаде предпринята попытка реализовать мультикультурализм в либерально-процедурной перспективе.

Интерпретативный характер канадского мультикультурализма означает, что эта политика не является статичной, не предполагает единого и заданного подхода, но заключает в себе возможности непрерывного публичного обсуждения и признания вклада многих этнокультурных групп в историю, а также в настоящее и будущее страны. Иначе говоря, мультикультурализм как модель национальной интеграции в таком молодом иммиграционном государстве как Канада означает постоянную трансформацию принципов признания и включения в публичное пространство. Изменение принципов признания связано с формированием новых меньшинств в условиях возрастающего этнокультурного многообразия. В 1960-х гг. канадские украинцы выдвинули специфические требования и добились официального признания значимости своего культурного вклада в развитие общей канадской культуры. Требования канадских украинцев не только не вызвали кризиса политики национальной интеграции в Канаде, но способствовали ее усовершенствованию, а именно – переходу от бикультурализма к мультикультурализму в рамках билингвизма.

Специфика национальной интеграции в Канаде заключается также в том, что создание канадской федерации, асимметричной по своему характеру, не предполагало однородного правового пространства в пределах единого национального сообщества. Наличие отдельной правовой системы в Квебеке создало ситуацию правового плюрализма в рамках единой политики. В свою очередь, Хартия как основной инструмент национальной интеграции в рамках политики мультикультурализма допускает культурную множественность. В частности, в правовой сфере культурная множественность проявлялась в практике негосударственного судопроизводства, допускающего применение любых, не противоречащих Конституции страны, норм, в том числе и религиозных. Тем не менее, правовой плюрализм в Канаде существовал в рамках либеральной политической культуры, когда этнокультурные меньшинства все-таки не претендовали на применение религиозных норм в публичной сфере. Если религиозные нормы и применялись (а именно, при решении внутрисемейных проблем), то эта практика оставалась внутри приватной сферы. С образованием достаточно многочисленной группы иммигрантов-мусульман применение религиозных норм в негосударственном судопроизводстве стала использоваться брокерами от культуры для коллективной мобилизации, т.е. в политических целях.

В третьем параграфе «Видимые меньшинства» и успешный опыт интеграции выходцев из стран Азии», автор обращается к вопросу к включении в канадское общество выходцев из Китая и Юго-Восточной Азии. Присутствие в публичном пространстве Канады этно-стилевой атрибутики, резко отличающейся от стиливых характеристик «большинства», стали причиной формирования в канадском обществе представлений о «видимых» меньшинствах (visible minorities). Категория «видимое меньшинство» прочно вошла в политических лексикон и политическую практику канадского мультикультурализма. Опыт интеграции выходцев из Индостана можно назвать очень успешным. Во-первых, их опыт иммиграции длителен, многие из них являются канадскими гражданами во втором и третьем поколениях. Во-вторых, они не проявляют религиозную идентичность в публичном пространстве. Их культурные требования ограничиваются признанием этно-стилевых отличий в некоторых сферах общественной жизни. В-третьих, эта категория населения активно подвергается процессам культурной гибридизации.

Вторым по численности и наиболее быстро увеличивающимся «видимым меньшинством» в Канаде являются китайцы. Они составляют 3.9% от общей численности населения.²³ Если в 1996 г. китайцы составляли 6% от общей численности иммигрантов, то в 2004 г. – уже 15%. В Ванкувере выходцы из Китая составляют 17% населения. “В результате китайский язык в 1996 г. стал третьим по числу используемых в повседневной жизни языков Канады”.²⁴ Несмотря на некоторые сегрегационистские тенденции, можно утверждать об успешном опыте интеграции выходцев из Китая в канадское общество. Во-первых, для канадских китайцев, пусть и в меньшей степени, также характерны процессы культурной гибридизации. Публичные проявления китайской этнической идентичности, например, в рамках языковых школ, являются в действительности выражением их прав как канадских граждан. Во-вторых, об успешности интеграции китайцев в канадское общество свидетельствует то обстоятельство, что с середины 1980-х гг. большинство китайцев в Канаде уже не проживает в китайских кварталах.²⁵ В-третьих, далеко не все китайцы в Канаде используют неформальные связи для социально-экономической интеграции. Подавляющее большинство использует преимущества независимой иммиграции и въезжают в Канаду в качестве квалифицированных работников или предпринимателей. В-четвертых, проблемы, с которыми сталкиваются китайцы в Канаде, типичны и для выходцев из других стран и регионов. Основные проблемы заключаются в межпоколенческих

²³ www12.statcan.ca/census-recensement/2006.

²⁴ Черкасов А. И. Некоторые характеристики этнокультурной мозаики Канады //

Этнокультурная мозаика Канады и проблемы канадской идентичности. М. 2003, стр. 23-24.

²⁵ Tan J., Roy P. The Chinese in Canada. Canada's Ethnic Groups. Canadian Historical Association. Ottawa, 1985, стр. 18.

конфликтах между иммигрантами первого и второго поколений, а также между менее образованными и более образованными.²⁶

В третьей главе «Кризис канадского мультикультурализма на примере дебатов в провинции Онтарио вокруг культурно-политических требований иммигрантов-мусульман» исследуется современный кризис мультикультурализма в Канаде в связи с появлением категории иммигрантов из мусульманских стран, часть из которых проявляет в публичной сфере ярко выраженную религиозную лояльность. Кризис мультикультурализма в Канаде можно также назвать и конституционным кризисом, т.к. в Конституции страны заложен принцип мультикультурализма, определяющий возможности признания и расширения культурных прав иммигрантов.

В первом параграфе «Публичные дебаты в провинции Онтарио по поводу введения ограниченных норм шариата в практику арбитражных судов по разрешению семейных споров» описываются политические стратегии и идеологические позиции трех групп интересов в ситуации общественно-политического кризиса, вызванного публичными дискуссиями о возможности применения некоторых норм исламского права в Онтарио. Основными агентами политического действия, участвовавшие в дебатах, стали три группы. Это, во-первых, консервативно настроенные мусульмане Канады, группирующиеся вокруг организации под названием «Исламский институт гражданской справедливости». Во-вторых, это канадская бюрократия, представленная парламентской комиссией во главе с бывшим генеральным прокурором Онтарио и отстаивающая сбалансированный подход к проблемам социальной интеграции в условиях возрастающего этнокультурного многообразия. В-третьих, феминистская коалиция, сформированная «Женским исламским советом Канады» и ставшая на позиции воинственного либерализма.

После того, как лидер Исламского института гражданской справедливости выступил с заявлением о необходимости ввести нормы шариата для всех канадских мусульман, возникли протесты. Против намерений консервативных мусульманских деятелей выступили в том числе и потенциальные адресаты исламского права в Канаде. Деятельность Исламского института гражданской справедливости представляет собой классический пример деятельности брокеров от культуры, стремящихся заработать политический капитал на манипулировании такой категорией как «права меньшинств». Брокеры от культуры используют представления о формировании иммигрантами культурных целостностей для политической мобилизации в рамках реакционного мультикультурализма.

Правительство Онтарио заняло позицию, которую можно обозначить как «критический мультикультурализм». Критический мультикультурализм предполагает демократически-инклюзивные

²⁶ См. Tan J., Roy P. The Chinese in Canada. Canada's Ethnic Groups. Canadian Historical Association. Ottawa, 1985.

принципы социальной интеграции и инкорпорирование в публичное пространство новых культурных норм, не противоречащих Конституции страны, в том числе и некоторых исламских традиционных практик.

Что касается третьего участника данной общественной дискуссии, то основным адресатом выступлений «Женского исламского совета Канады» стали женщины, многие из которых являются политическими диссидентами из Ирана и беженцами из Афганистана. Эта группа мусульман категорически противится любым попыткам адаптации исламских норм в условиях иммигрантского существования и становится на позиции воинствующего либерализма. Активистки феминистской коалиции встали на позиции воинствующего либерализма. Апеллируя к идеологии прав человека и, в частности, настаивая на приоритете индивидуальных прав над групповыми, они дискредитировали исламские практики как таковые. Последние стали выглядеть как нечто абсолютно несовместимое с нормами либерально-демократического общежития. В результате в 2006 г. практика религиозного арбитража, использовавшаяся при разрешении семейных споров, была отменена для всех без исключения конфессиональных сообществ. Отмена практики религиозного арбитража рассматривается автором диссертации в качестве признака кризиса мультикультурализма в Канаде.

Во втором параграфе «Современный кризис мультикультурализма в Канаде» автор показывает, что характер культурных требований, которые выдвигают мусульмане, оказывает непосредственное влияние на публичную культуру принимающего общества.

Тенденция иммигрантов-мусульман к объединению и выдвиганию коллективных требований имеет своей основной причиной не столько культурную общность, сколько проблемы социального и политического включения в публичное пространство принимающего общества. Иначе говоря, причина коллективной мобилизации мусульман на Западе носит не столько культурный, сколько политический характер. Идентификацию иммигрантов-мусульман с символами страны происхождения следует понимать как политический протест в той атмосфере культурного подозрения, в которой они оказались после 11 сентября 2001 г. Всякий раз, когда мусульмане выдвигают требование признания *социальной ценности* своих культурных практик, принимающее общество реагирует на это тем, что воспроизводит стереотипизированные (негативные) представления об исламе.

Расширение культурных прав мусульман в странах Запада может изменить культурно-политический ландшафт в принимающих обществах. В отличие от западной политической традиции, для которой характерно разделение светского и религиозного измерения публичного пространства, в исламских традициях публичная жизнь основывается на религиозных нормах. Выдвигая требование расширения своего присутствия в публичном пространстве принимающей страны, мусульмане пытаются внедрить в общественную жизнь религиозные

нормы, что нарушает принципы функционирования публичной культуры в странах либеральной демократии.

Признание исламских культурных смыслов ставит под вопрос либеральный принцип свободы совести. Соблюдение баланса между обеспечением личных свобод и свободы совести (свободы вероисповедания) возможно только в том случае, если религия остается в пределах приватной сферы. Настоящий кризис мультикультурализма в Канаде (конституционный кризис) вызван тем, что реализация принципа мультикультурализма новыми сообществами иммигрантов-мусульман могла бы привести к инкорпорированию в публичное пространство принимающей страны религиозных норм, которые в либеральной политической культуре относятся к приватной сфере.

Кроме того, в данном параграфе автор обращается к гендерному измерению проблемы. Значительная часть трудностей на пути интеграции выходцев из стран исламского мира в западные общества связана со специфическим культурно-символическим статусом женщин в исламе. Поскольку мужская часть сообществ иммигрантов-мусульман на Западе пытается воспроизводить данный статус, это влечет за собой целый ряд напряжений и конфликтов – как между иммигрантскими сообществами и принимающим обществом, так и внутри иммигрантских сообществ.

В заключении приводятся основные выводы по итогам проведенного исследования.

Список опубликованных работ:

1. Зайка К. В. Диаспорические и иммигрантские сообщества // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. - №10.

2. Зайка К. В. Исламский дресс-код как фокус проблем интеграции иммигрантов-мусульман во Франции // Сборник статей молодых учёных и аспирантов кафедры мировой политики. - М.: Государственный университет – Высшая школа экономики. - 2006. Выпуск № 1.

Подписано в печать: 19.05.2010

Заказ № 3783 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru